

**Сирийское «окно упущений»:
особенности стратегии половинчатых шагов внешней политики РФ
Комментарий эксперта, 29.01.2025**

Норайр А. Дунамалян¹

В декабре 2024 г. министр обороны РФ Андрей Белоусов на расширенном заседании коллегии министерства [обозначил](#) приоритеты в области обеспечения безопасности России, отметив «*выполнение отдельных задач*» и военное присутствие в странах Центральной Азии и Африки, на Кавказе и в Приднестровье. Среди приоритетов не была упомянута Сирия, хотя в [Концепции](#) внешней политики РФ от 2023 г. «*всесторонней поддержке Сирийской Арабской Республики*» было уделено особое внимание. Проблема в том, что после свержения режима Б. Асада российскому руководству удалось довольно быстро отказаться от приоритетности сирийского направления во внешней политике, однако стоит понять насколько такой шаг стал правилом или исключением из общей логики внешнеполитической стратегии России.

Начавшаяся в 2015 г. военная операция РФ в Сирии проводилась на фоне ухудшения отношений с Западом из-за Украины и представляла собой попытку выйти за геополитические пределы постсоветского пространства. Россия, по факту, вмешалась в процессы, происходившие тогда на фоне последствий «Арабской весны», не разделяя логику существования такой геополитической единицы как «Большой Ближний Восток». Концепт региона, включающего Ближний Восток и периферийные территории в виде Южного Кавказа, Центральной Азии и Северной Африки, предлагался американскими геополитиками с точки зрения формирования некоторой подсистемы международных отношений, исключающей существование какой-либо доминирующей силы на этом пространстве кроме США.

Российская геополитическая мысль подчиняется двум идеологическим течениям, выражающимся в двух крайностях. Первую можно назвать условно «имперской», воспринимающей международные процессы вокруг России в контексте продолжающейся «*Большой игры*» (также «западного» термина, введенного для обозначения соперничества Британской и Российской империй в Центральной Азии и других регионах Евразии). **Имперское течение** отражает довольно устаревшие «колониальные» взгляды на международную политику, в рамках которых Россия стремилась догнать европейские великие державы в контексте укрепления своего геополитического статуса за счет обладания «проливами», раздела Османской империи, а также доминирования в Евразии.

Второй концепт – идея «*Остров Россия*», представляет из себя некоторое подобие доктрины «изоляциизма». Эта идея основана на восприятии работ А. Солженицына и В. Цымбурского российскими элитарными кругами в контексте

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

разработки идей «нового консерватизма», представляющего Россию как отдельное «цивилизационное пространство» или «остров», имеющий определенный «шельф» в виде культурно и политически близких территорий (к таким территориям можно отнести Беларусь, Украину, Казахстан, некоторые территории Центральной Азии и Кавказа). Примечательно, что оба этих течения сосуществуют в современной российской внешней политике. Однако надо понимать, что носителями этих идей могут быть различные группы российских элит, состав которых может меняться, а их взгляды постоянно пересматриваться в зависимости от изменения внутри- или внешнеполитической конъюнктуры. Во всяком случае, из-за отсутствия оснований реализовать первую или вторую модель внешней политики российское руководство возвращается к схеме тактических «прагматичных» отношений, не создавая более адекватной стратегии поведения на мировой арене.

Сирийское «поле» геополитических экспериментов

До решения отправить войска в Сирию РФ отказалась от присутствия в Косово (2003 г.), Грузии (2007 г.) и Азербайджане (2012 г.). Конечно геополитическая ситуация в мире менялась и подходы к реагированию на те или иные вызовы могли также быть различными, однако постоянные кризисы демонстрировали отсутствие у российского руководства стратегического видения процессов. Присоединение Крыма стало первым российским приобретением после распада СССР, однако это событие произошло в контексте узко воспринимаемого ирредентистского проекта «Русского мира». Между тем, операция в Сирии нуждалась в более комплексном обосновании, представляющем конкретные интересы и цели России на Ближнем Востоке.

В целом, интересы РФ в САР сводились к военно-политическому компоненту достижения политического примирения внутри Арабской республики и исключения влияния Турции и США в отдельных регионах страны, однако наиболее муссируемой повесткой оставалась «борьба с международным терроризмом» и, в частности, с ИГИЛ. С другой стороны, за скобками оставались экономические интересы российских бизнес-элит в контексте управления активами фосфатных рудников («Стройтрансгаз» Г. Тимченко») и нефтегазовой отрасли (компания «Промсырьеимпорт») в Сирии. Одновременно, военные базы в Хмеймиме и Тартусе позволяли создавать систему коммуникаций, связывающих территорию России с Ближним Востоком и Африкой, а также использовать свое присутствие в Сирии с целью давления на Турцию, которая могла перекрыть черноморские проливы для военных судов РФ.

Однако в декабре 2024 г. вся система военно-политических и экономических балансов, выстроенных с участием России рухнула. Фактически, ни одна из целей военной операции РФ в Сирии не была полностью выполнена. Турция укрепила свои позиции в регионе, обеспечив приход к власти поддерживаемых ею исламистских радикалов. США создали условия для оказания давления на Турцию и Иран с помощью поддержки курдской автономии, тем самым способствуя началу процесса реформирования границ не только Сирии, но и всего Ближнего Востока. Кроме того, заинтересованность России в сохранении военных баз и ее экономические

интересы могут стать предметом очередных русско-турецких переговоров по «сирийскому формату» не раз предложенному Р. Эрдоганом в случае с Сирией, Ливией и Арменией, то есть – РФ снова пойдет на уступки турецкой стороне с целью сохранения своего усеченного присутствия в регионе. После падения режима Б. Асада задача обоснования российского присутствия свелась к дилемме борьбы с международным терроризмом и готовностью вести переговоры с теми же главами «бывших» террористических группировок под покровительством Турции.

Тем самым, российское руководство в очередной раз стало «жертвой обстоятельств», что связано с рядом обстоятельств, распространяющихся не только на деятельность в Сирии, но и на внешнюю политику России, в целом.

Сохранение власти Башара Асада в Сирии объяснялось консенсусом вокруг его фигуры со стороны России и Ирана, хотя со временем его шаги начали идти вразрез с политикой стран, поддерживающих власти Сирийской Арабской Республики. Для российской стороны главной проблемой было то, что она могла опираться только на сирийское правительство, не имея рычагов влияния на отдельные группы населения. Попытки Москвы выстроить доверительные отношения с христианским и алевитским меньшинством в Сирии сталкивались с некомпетентностью российских должностных лиц и фактической незаинтересованностью в использовании «христианского» фактора во внешней политике. У того же Ирана в Сирии существует опора в лице шиитов, которые составляют 13 % населения САР. Турция, в свою очередь, использовала в Сирии как этнический, так и религиозный фактор, поддерживая туркоманов на севере Сирии, создав тем самым проект «Туркменэли» (Туркомании), который может противостоять идее «единого Курдистана», и, одновременно, способствуя деятельности различных суннитских группировок (от умеренных до самых радикальных).

Фактически Россия, сохранив власть для Б. Асада, не смогла создать альтернативной политической и культурной опоры, которая смогла бы противостоять исламистам. Кроме того, высокий потенциал распространения террористической угрозы на постсоветское пространство остался по причине «победы» террористической организации Хайят Тахрир аш-Шам, в состав которой входит большое число выходцев из Северного Кавказа и Центральной Азии. С другой стороны, созданию альтернативных пророссийских сил в Сирии мешало отсутствие согласованности между действиями РФ и ИРИ, что делало ситуацию в стране более хрупкой.

Главной отличительной чертой российской внешней политики на Ближнем Востоке можно назвать отсутствие идеологизации. В отличие от тех же Турции и Ирана, которые пытаются наполнить свою внешнюю политику идеологическими установками, Москва так и не смогла сформулировать внятной идейной основы своей миссии в Сирии, Африке и других регионах мира.

Известно, что нахождение российских военных в Ливии, Центральноафриканской Республике и других регионах Африки и Азии зачастую совпадают с бизнес-интересами отдельных групп российских элит, которые, при этом, заинтересованы в относительной хрупкости ситуации в странах своей деятельности.

Уязвимость местных элит воспринимается как гарантия защиты от политического давления, чем может быть чревата консолидация сил правящего режима. Однако проблема заключается в том, что другие, конкурирующие акторы могут иметь набор более устойчивых связей с местным населением на основе религиозной, культурной и этнической близостей, чего нет у РФ. И поэтому, в случае падения очередного «пророссийского» режима Москва лишается любых преимуществ на местах и становится «заложником ситуации».

Единственной сферой консенсуса, скрепляющей политические и экономические элиты РФ, остается экономическая «привязка», которая сохраняет зависимость от России потенциально «недружественных» стран даже в случае политического конфликта с ней. Ярким примером является Грузия, энергетика и торговля которой даже после 2008 г. в значительной степени продолжали зависеть от деятельности российских компаний. Однако на практике экономическая привязка (если она не обусловлена использованием уникальных технологий) может быть нарушена в случае появления более перспективных иностранных инвесторов.

Карабахское «зеркало» сирийского «окна возможностей»

Многие российские аналитики после «сирийской катастрофы» поспешили объявить ее причиной политику самого Б. Асада, который, по их мнению, так и не смог выстроить в стране работающие институты и обеспечить консолидацию населения. Однако проблема заключается в том, что внешние игроки также влияли на внутривнутриполитическую ситуацию в САР и способствовали известному исходу ситуации. Несмотря на то, что главным триггером падения режима стало ослабление «Оси сопротивления», созданной Ираном и его прокси в регионе, поведение самой России в регионе вполне симптоматично и не представляется некой аномалией.

Выстраивая внутри страны концепт «национал-империализма», распространяющегося на ограниченный Россией, Беларусью и Украиной «Русский мир», и пропагандируя идею «государства-цивилизации», что, по сути, сопрягается с концепцией России как «острова», российское руководство старается действовать в рамках политики прагматизма за его «пределами». Именно поэтому для российского общества сложно понять, почему российские войска должны воевать за культурно чуждые страны и народы. За последние 30 лет этот стереотип распространился и на постсоветское пространство, однако подобные настроения имеют место скорее в силу институциональной слабости российского государства, а не наоборот.

С другой стороны, нужно отметить, что падение режима Б. Асада могло бы способствовать снятию противоречий между Турцией и Россией, которые не могли до этого договориться вокруг будущего страны. Однако такой вывод можно сделать только на первый взгляд. Для сохранения своего присутствия в Сирии России придется играть по «турецким» или «антииранским правилам». Симпатично, что Российский совет по международным делам (РСМД) практически сразу же после ухода Б. Асада опубликовала [статью](#), в которой египетский исследователь отмечал ошибочность сотрудничества России с Ираном по сирийскому вопросу.

Можно допустить, что со временем укрепление антииранских тенденций в Сирии станет важной составляющей переговоров в российско-турецко-сирийской повестке. Заключенный 17 января 2025 г. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и Ираном скорее всего в практическом плане не сможет повлиять на углубление российско-иранских отношений, поскольку задумывался в совсем другом геополитическом контексте.

Эрозия позиций РФ в САР также не является беспрецедентным явлением. Присутствие российского миротворческого контингента (РМК) в Нагорном Карабахе наглядно продемонстрировало несостоятельность действий российского руководства, которое воспринимало поствоенные реалии как ситуацию статус-кво, хотя еще до начала масштабных боевых действий на Украине в 2021 на армяно-азербайджанской границе происходили периодические столкновения. Подписание декларации о союзническом взаимодействии между РФ и АзР 22 февраля 2022 г. фактически должно было обезопасить ситуацию на южнокавказском фланге, однако война на Украине полностью лишила Москву преимуществ на Южном Кавказе. Другими словами, ситуация «контроля» над Нагорным Карабахом и фактически двойное воздействие на Армению и Азербайджан сменились постепенным скатыванием в формат одностороннего сотрудничества с Баку и Анкарой, которые подготовили условия для выхода российских миротворцев на фоне фактической блокады и полной «деарменизации» Арцаха через 3,5 года российской «миротворческой операции».

Здесь можно назвать несколько исходных предпосылок:

1. РФ на протяжении всего постсоветского периода не сумела выработать язык коммуникации с армянскими властями и населением, что лишило ее возможности создать жизнеспособную альтернативу «прозападной» повестке внутри республики,
2. Власти РФ, традиционно, воспринимали руководство Азербайджана как часть собственной элиты,
3. Российская «прагматичная» внешняя политика в случае с Нагорным Карабахом проиграла идеологизированной турецкой стратегии.

Ситуация в Сирии имела похожие предпосылки с точки зрения уверенности российских элит в том, что они понимают правила и логику геополитической игры, хотя процессы, как оказалось, воспринимались довольно узко. Как и в случае с «карабахским сценарием» Москве может быть предложено место за столом «сирийского урегулирования», что, в конечном итоге, обернется очередным «выколачиванием» уступок с российской стороны. А российскому обществу все будет преподноситься под лозунгом «*мы не будем за них воевать*» или «*они сами виноваты*».

В связи с этим важно сравнить соответствующие затраты РФ за последние годы: по разным оценкам на начало марта 2018 года расходы на сирийскую кампанию [составили](#) от \$1,77 до 2,52 млрд.; в Нагорном Карабахе – [\\$35-50 млн. в год](#) (при том, что Республика Армения продолжала ежегодно предоставлять НКР кредит в размере около \$150-160 млн.); на СВО на Украине – [\\$211 млрд.](#) за 2 года войны. Однако в российских СМИ после 44-дневной войны в основном муссировалась тема «*нагрузки на бюджет РФ*» из-за миротворческой операции именно в Нагорном Карабахе.

Провалы в «шахматной стратегии» РФ

Узкое понимание внешней политики привело к росту уязвимости политических режимов в фрагментированной зоне интересов России. Стремление «контролировать» ситуацию посредством модернизации постсоветских конфликтов привело к формированию устоявшегося шаблона проникновения в сферы бывших неокOLONиальных интересов Запада. Так, российские военные появились в Ливии, ЦАР, Мали, Нигере и других странах. Однако ситуация на постсоветском пространстве показывает формирование слишком хрупких конфигураций в рамках патронажа России над периферийными конфликтами. Поражение «пророссийских» сил в Молдове и выстраивание ее антироссийской политики в союзе с Украиной привел к увеличению уязвимости пророссийской ПМР – Приднестровского анклава, который вынужден брать в долг газ у номинального противника в лице молдавского правительства. Полностью лояльная России Беларусь может стать жертвой внутриполитических потрясений по причине роста недовольства несменяемостью власти. На Южном Кавказе пророссийское население Нагорного Карабаха было подвергнуто этнической чистке, а в примыкающей к российским границам Абхазии на фоне политической дестабилизации открыто ведется антиармянская пропаганда с целью прихода к власти протурецкого кандидата А. Ардзинба. С другой стороны, нарративы о «пророссийской позиции» властей Грузии стали скорее оппозиционной повесткой, чем основой для реального геополитического поворота. Аналогичные проблемы в «зачаточном виде» существуют в Центральной Азии, которой еще предстоит геополитический раскол.

Во всяком случае, можно заключить, что поддерживаемые Россией политические режимы не отличаются устойчивостью, а скорее наоборот. Политика российского руководства заключается в ограниченных действиях, которые воспринимаются в качестве долгосрочной гарантии своего присутствия. Это может касаться наличия военных баз, экономического влияния, распространения русского языка или культурной близости. Однако все эти аспекты в отдельности не могут обеспечить долгосрочной стратегии присутствия. «Сирийский» урок, а до этого «грузинский», «украинский» и «карабахский», демонстрирует не «поражение» России, а ее слабость в вопросах формирования стратегического видения, которое могло бы предоставлять преимущества российскому государству и его союзникам, а не становится очередным заделом для уступок перед более «деятельными» геополитическими соперниками.